

Estates. Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. – P. 126-127.

¹⁵ *Berenger, J.* A History of the Habsburg Empire 1273-1700. – P. 312-318; *Kann, R.A.* A History of the Habsburg empire 1526-1918. – P. 113-116.

¹⁶ *Schindling, A.* Delayed confessionalisation retarding factors and religious minorities in the territories of the Holy Roman Empire, 1555-1648 / Anton Schindling // State and Society in Early Modern Austria. – P. 63.

Надійшла до редколегії 04.10.2007

В.А.Дятлов

АНДРЕАС КАРЛШТАДТ И ЕГО РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДИСКУССИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ НАЧАЛА XX века

У статті аналізується дискусія німецьких істориків з проблеми характеру програми і діяльності відомого реформатора Андреаса Боденштайна Карлштадта (1486-1541), а також простежується її вплив на модернізацію лютеранства на початку XX ст.

Исследование жизни и деятельности Андреаса Боденштайна Карлштадта (1486-1541) полно контrovers, тенденциозных оценок, стереотипов, периодов забвения и жарких дискуссий, которые своими корнями уходят в реформационное время. Лютеру и его соратникам удалось сформировать негативное представление о нем и сделать все, чтобы его творческое наследие осталось за бортом официального протестантизма.

Имя Карлштадта оказывалось, однако, востребованным теми силами в лютеранстве, которые старались избавить его от догматизма и дать простор подлинному массовому благочестию. Этим можно объяснить рецепцию его наследия в XVII ст. в творчестве представителей пиетизма, старавшихся, в частности, включить его мистику в арсенал обновления официальной церкви¹. По мере схождения пиетизма со сцены религиозной жизни Германии угасали и эти скромные попытки внести имя реформатора в пантеон борцов за истинную веру. В условиях господства официальной протестантской историографии лютеранского толка имя Карлштадта на протяжении столетий упо-

миналось в сопровождении отрицательных высказываний о нем и его последователях.

Вычеркнутого из истории Реформации и столетиями пребывавшего в забвении, Карлштадта открывал XX век. Эта фраза не дань научной патетике – все серьезные исследования, посвященные изучению его жизни, творчества и деятельности, увидели свет в последнее столетие. В таком случае возникает вполне закономерный вопрос, почему надолго вытесненный на периферию историографического интереса он оказался востребованным в новых исторических условиях?

Возрождение интереса к личности Карлштадта связано с оживлением в конце XIX – начале XX века либерально-демократических настроений в немецком протестантизме, выразители которых, теологи и церковные историки, отстаивали идею демократизации лютеранской церкви путем расширения полномочий и прав религиозных общин. Адольф Гарнак (1851-1930), один из крупнейших идеологов модернизации лютеранской церкви, к числу «пагубных результатов» Реформации относил создание «государственных церквей». Они, по его словам, «ослабили в евангелических общинах чувство ответственности и активности и вызвали справедливое негодование на то, что церковь превращается в одно из учреждений государства и вынуждается приспособляться к его строю. Правда, в течение последних десятилетий сделаны были попытки увеличить самостоятельность церквей, но все же необходим дальнейший прогресс в этом направлении и, главным образом, в вопросе о свободе отдельных общин»². Идеи А.Гарнака, высказанные им в лекциях 1900 г. о сущности христианства, во многом обозначили вектор историко-теологических настроений и исследований начала XX в.

В контексте этих исканий появление двухтомной монографии молодого профессора Лейпцигского университета Германа Барге (1878-1941) о жизни и деятельности Карлштадта стало настоящим событием и сенсацией в научной и церковной жизни³.

Стремление автора идеализировать своего героя, реабилитировать его в глазах лютеран и подчеркнуть его выдающуюся роль в Реформации вызвали бурю возмущения не только среди церковных ортодоксов, но и сторонников модернизации лютеранства и привели к длительной дискуссии по ряду ключевых вопросов истории Реформации. Практически все рецензенты были согласны в том, что труд Г.Барге, представляет собой тщательное, обстоятельное и серьезное

исследование забытого реформатора, основанное на огромном массиве источников⁴.

Главным оппонентом Г.Барге выступил известный историк и теолог, профессор из Тюбингена Карл Мюллер (1852-1940). В рецензии на первый том монографии он решительно отверг ключевые положения концепции лейпцигского коллеги⁵. Появление второго тома вызвало у него настолько бурную реакцию, что вместо рецензии, которую предполагалось опубликовать на страницах «Исторического журнала»⁶, он в короткий срок написал целую монографию, изложив в ней свою версию личности и реформаторской деятельности Карлштадта и его отношений с Лютером⁷.

Известные исследователи, историки и теологи Генрих Гермелинк (1877-1958), редактор «Журнала церковной истории» Теодор Бригер (1842-1915), Вальтер Келер (1870-1946), критически отнеслись к сочинению Г.Барге и выступили на стороне К.Мюллера⁸.

Ряд историков, не принимая непосредственного активного участия в дискуссии, обратились к поискам, систематизации и публикации источников, связанных с деятельностью Карлштадта⁹.

В ответ на критику и непризнание выдающейся и оригинальной роли Карлштадта в Реформации Г.Барге публикует серию полемических статей и заметок, посвященных защите и уточнению своей концепции¹⁰. Развернутым ответом многочисленным критикам и, в первую очередь, К.Мюллеру становится монография историка о реформационном движении под руководством Карлштадта в Виттенберге и Орламюнде¹¹. В новой книге Г.Барге не только не отступил от своих прежних взглядов, но дал более жесткие формулировки своей концепции, что вызвало новую волну полемики, которая спадает в условиях революционных событий и печальных для Германии последствий Первой мировой войны.

Почему концепция Барге вызвала столь резкое неприятие теологов и историков из лютеранского лагеря? Ответ на этот вопрос следует искать в том, что либерально настроенные теологи искали пути обновления и демократизации лютеранской церкви на основе идей и наследия Лютера. Г.Барге нарушил табу на положительную оценку радикальных оппонентов Лютера, его идейных противников из «левого лагеря», к числу которых принадлежал Карлштадт. Неприемлемой в таком случае оказалась сама концепция альтернативной Реформации и, соответственно, альтернативной программы обновления лютеранства на основе идей критиков Лютера.

Прежде всего, острую дискуссию среди историков вызвала версия Г. Барге о ключевой роли Карлштадта в подготовке и начале Реформации в Германии. На основе детального анализа ранних произведений Карлштадта, он старался доказать, что, начиная с апрельских тезисов 1517 г., его герой вплотную подошел к реформационным идеям и сформулировал важнейшие положения, которые войдут в лютеровскую программу реформ.

Оспаривая эти положения, К. Мюллер высказал убеждение, что Г. Барге «чрезмерно подчеркивает самостоятельность и оригинальность своего героя, его независимость от Лютера в теоретических положениях»¹². К. Мюллер и его сторонники не видели принципиальных различий между ранними идеями Лютера и Карлштадта, а враждебные отношения между ними объясняли неумемным честолюбием последнего, его желанием перехватить пальму первенства в антикатолическом движении.

В доказательство своих утверждений Барге приводит целый ряд положений из ранних трактатов Карлштадта, которые свидетельствовали о том, что он последовательно продвигался в критике культа папской церкви, почитания святых, католической мессы, суеверия, утверждения высокого авторитета Священного Писания. Историк попытался разрушить устоявшийся стереотип протестантской историографии о Лютере как о единственном основоположнике немецкой Реформации. Мысль о том, что Реформация не является только продуктом внутреннего духовного развития Лютера, а зародилась под воздействием многочисленных факторов и усилий других идеологов, достаточно прочно войдет в арсенал исторических исследований.

Яростную критику Г. Гермелинка вызвала разделы исследования Барге, где речь идет о переходе Карлштадта к мистике и разработке на ее основе нового реформаторского мировоззрения. Спор шел уже не об оригинальности мировоззрения Карлштадта, как в первом случае, а о том, носит ли оно и, сформулированная на его основе реформационная программа, прогрессивный характер. Г. Гермелинк утверждал, что мистика Карлштадта носит средневековый волюнтаристский характер, ведет к унификации религиозного мировоззрения и авторитарному сектантству¹³.

В ответ Г. Барге выступил против самого «алгоритма суждений», который сводится к тому, что «все движения реформационного времени, возникавшие независимо от Лютера, по своему происхождению средневековые, и, вследствие этого, квалифицируются как католические и не имеющие ценности»¹⁴. «Мирской пуританизм», который

исповедовал Карлштадт, носил ярко выраженный антикатолический характер и не имел ничего общего с аскетизмом францисканцев или подобных движений средневековья.

Вслед за А.Гарнаком, Г.Барге недвусмысленно заявил о высоком нравственном и религиозном потенциале тех левых движений, которые Лютер и его последователи причислили к «фантазерам» и «фанатикам». Именно на этом фланге Реформации Г.Барге попытался отыскать «чувства ответственности и активности», ослабленные в евангелических общинах, под прессом «государственной церкви».

Наиболее острая полемика возникла вокруг концепции Барге общинной, народной, демократической Реформации Карлштадта. Историк пытался доказать, что, в отличие от Лютера, который под влиянием политических и иных соображений отступил от своих первоначальных замыслов и отказался от создания автономных религиозных общин, его герой последовательно отстаивал демократические принципы Реформации. Карлштадт оказался также удобной фигурой для противопоставления его крайним, экстремистским течениям, в первую очередь Мюнцеру. В исследовании настойчиво отрицалась склонность реформатора к насильственному радикализму, подчеркивалось его стремление мирным путем осуществить свои планы и не допустить крестьянского мятежа. Г.Барге не удержался от соблазна строить альтернативные варианты развития немецкой истории. По его словам, если бы восторжествовала Реформация Карлштадта, то страна избежала бы разрушительной гражданской распри 1525 г. Сущность его программы он усматривал в «мирском христианском пуританизме» и в общинном устройстве новой религиозной организации. В возрождении этих демократических принципов, в избавлении лютеранства от архаичной догматики, иерархического церковного устройства историк видел перспективы дальнейшей «эмансипации» человека и оживления религиозной жизни¹⁵.

Г.Барге считал Карлштадта предшественником кальвинизма, а его евангелические нововведения в Виттенберге в 1521-1522 гг. назвал прообразом тех реформ, которые позже осуществит Кальвин в Женеве¹⁶.

К.Мюллер в своих возражениях доказывал, что Карлштадт осуществлял программу Лютера, сформулированную в сочинении «К христианскому дворянству немецкой нации». В борьбе против мессы, монашеских обетов, целибата, католической мессы, в искоренении нищенства и во всех других преобразованиях реформатор руководствовался положениями, прописанными в этом произведении. Стара-

ясь сохранять объективность, К. Мюллер делает вывод о том, что «за слугой Карлштадта навсегда останется то, что он развил мысли Лютера и впервые применил их на практике»¹⁷. Здесь же он высказал мысль о том, что причины разногласий между Лютером и Карлштадтом следует искать не в программах, а в методах, с помощью которых оба лидера старались воплотить их в жизнь. В отличие от Лютера, добивавшегося реализации своих замыслов мирным путем, его оппонент прибегал к насильственным действиям и первым встал на путь «мятежа». Эту позицию активно поддержал Г. Бемер, по словам которого, в обращении Карлштадта к силе «господина народа» не было нужды, поскольку евангелическое движение само пробивало себе дорогу, а мятежные действия Карлштадта наносили только вред. Действия мирян по воплощению в жизнь мирского аскетизма автор расценил как поступки «усердных лютеран», поскольку эти идеи были высказаны им в программных сочинениях¹⁸.

В новых исследованиях об отношениях Лютера и Карлштадта во время и после Виттенбергского движения Г. Барге настойчиво старался доказать, что Карлштадт был решительным противником «мятежа», не признавал и избегал насилия как средства решения религиозных и социальных вопросов. Прав был и К. Мюллер, указывая на целый ряд насильственных действий «толпы» в Виттенберге, которые не были осуждены реформатором. Крайность суждений, с одной и другой стороны, не дала, однако, возможности выяснить характер методов Карлштадта, его средств осуществления реформ.

Г. Гермелинк, пытаясь развенчать концепцию «общинной Реформации», в специальной статье обратился к изучению представлений Лютера об общине и ее роли в религиозной жизни¹⁹. Историк не стал отрицать того, что Карлштадт пытался провести этот принцип в жизнь, однако, по его мнению, Г. Барге отчасти из партийных пристрастий, отчасти по незнанию искажает события. Г. Гермелинк попытался реконструировать представления Лютера об идеальной общине, привлекая для анализа главным образом произведения реформатора 1523-1524 гг., свидетельствовавшие о том, что реформатор отстаивал общинный принцип организации религиозной жизни²⁰.

Эти идеалы, по его мнению, могут стать ориентиром на пути демократизации лютеранской церкви, что позволит сохранить чистоту ее основ; избежать обращения к наследию неверных учеников ее основателя. Дискуссия послужила толчком для появления целого ряда исследований об учении Лютера об общинном устройстве религиозной организации²¹.

В ответ Барге настаивал на том, что проведение в жизнь программы «общинного христианства» было бы возможным, если бы Лютер поддержал Карлштадта в его начинаниях, а не выступил на стороне княжеских сил. В Германии почву для ее осуществления можно было найти окольными путями и, если бы реформаторы призывали князей – носителей политической власти в своих территориях – к христианскому долгу, то удалось бы обеспечить широкое право самоуправления общин в религиозных делах.

В ходе полемики Г.Барге пришел не только к более жестким формулировкам своей концепции, но и сделал акцент на политических причинах неудачи реформационного проекта Карлштадта, которые, по его мнению, настало время преодолеть. Лютеранская государственная церковь сформировалась в условиях формирования княжеского абсолютизма и сыграла важную роль в идеологическом обосновании этой политической системы. Демократические силы были преданы Лютером и поставлены под контроль новых церковных институтов. В то время как Карлштадт безоглядно делал все, чтобы все слои населения стали участниками церковной жизни, что дало бы гарантии жизнеспособности и силы церкви как изнутри, так и извне.

Лютер, по мнению историка, был убежден в том, что церковное руководство массами должно исходить от теологов, а для того, чтобы поддерживать их авторитет он пошел на тесный союз с властями. Карлштадт же ни при каких обстоятельствах не хотел ограничивать религиозную автономию вмешательством властей. В этом заключалось противоречие между земельной, пасторской церковью, с одной стороны, и общинной церковью – с другой.

Для подтверждения своих мыслей Г.Барге ссылался на слова Э.Трельча о том, что вмешательство князей, определявших политическое положение в стране, воспрепятствовало «полному и целостному преобразованию церкви», хотя оно не исключало общинного самоуправления.

Призывая к восстановлению «исторической справедливости», Г.Барге, по сути, ставил вопрос о радикальной реформе лютеранской церкви, освобождении ее из-под опеки государства. По его словам, на базе современной лютеранской церкви ростки общинного христианства вообще не могут развиваться, поскольку она теологически и организационно базируется на положениях, которые исходят исключительно от Лютера. Историк призывал вернуться на дорогу, прочерченную Карлштадтом, и подхваченную демократическим потоком в европейской Реформации.

По словам Г.Барге, идея демократического общинного христианства оказалась жизнеспособной и нашла свое воплощение «в чистом виде только в свободных церквях и Англии и Северной Америке».

Г.Барге пришел к выводу о том, что спор, по сути, идет о двух принципиально различных концепциях Реформации. Первая основывается на утверждении о том, что сущность Реформации выражена в учении Лютера об оправдании верой, санкционированном затем новым религиозным исповеданием и новой церковностью. Сердцевину второй составляют права автономной и независимой от всех авторитетов личности, которая формирует свои религиозные убеждения на основе общих христианских положений и защищающей их в сообществе единомышленников²².

Ключевое значение для определения сущности реформационного течения, идеологом которого был Карлштадт, Г.Барге отводил социальной программе. Историк отстаивал мысль о том, что герой его исследования первым сформулировал развернутую евангелическую программу преодоления нищенства, бедности, социального обеспечения неимущих. Он ссылался на то, что Карлштадт был одним из авторов нового устава Виттенберга, где были четко сформулированы основные принципы организации призрения бедных и организации благотворительных служб. Г.Барге не предполагал, что его версия социальной программы евангелического движения вызовет бурную дискуссию и даст толчок к широкомасштабным исследованиям социальной политики того времени. Повышенный интерес историков к этой стороне реформационной деятельности Карлштадта связан не только с ошибками и слабостью аргументов Г.Барге. В условиях роста социальной и политической напряженности в немецком обществе в начале XX в., развития социалистических и социал-демократических идей евангелические теологи старались показать исторические заслуги и опыт церкви, ее возможности в решении социальных проблем в новых исторических условиях. Тем более в исторической литературе достаточно прочно утвердился тезис о невнимании Лютера к социальным проблемам, представление о нем как о чисто религиозном деятеле.

Г.Каверау, Г.Гермелинк, К.Мюллер, Т.Бригер атаковали концепцию Г.Барге, ссылаясь на то, что Лютер в лаконичной форме первым сформулировал основные принципы борьбы с нищенством и общинно-коммунальной организации системы призрения бедных, которые уже детально были развиты Карлштадтом.

Позиция Г.Барге нашла поддержку со стороны Л.Фейхтвангера, который в специальном исследовании о социальной политике и призрении бедных в эпоху Реформации, высказал мысль о том, что программный посыл в разработке первого устава об общей кассе исходил от Лютера, а его детальная разработка и принятие принадлежат Карлштадту²³.

Однако в отличие от церковных историков, упорно продолжавших искать новые аргументы против концепции Г.Барге, Л.Фейхтвангер вывел дискуссию о социальной политике в эпоху Реформации на новый уровень, включив ее в широкий контекст экономического и социального развития позднего Средневековья. Историк предостерег от завышенных оценок роли протестантизма в разработке законодательства о бедных, связывая его появление с особенностями социально-экономического развития и коммунально-городскими инициативами в области социальной политики²⁴. По его мнению, идеи реформаторов и методы их реализации оставались средневековыми по своей природе, особенно в вопросах отношения церкви и светской власти, поскольку в уставах о бедных явно прослеживаются теократические тенденции.

Л.Фейхтвангер в резкой форме заявил о том, что документы о призрении бедных являются творчеством городских властей и их нельзя называть «евангелическими». В доказательство этого он привел сравнительный анализ этих «евангелических» документов с более совершенными, на его взгляд, уставами других городов, где не было реформационного движения.

Восстановить «справедливость» попытался О.Винкельманн в пространном исследовании ранних уставов о бедных реформационной эпохи²⁵. По его словам, «духом Лютера» проникнуты все ранние реформационные порядки о бедных и нищих. При этом историк смягчил позицию полного отрицания заслуги Карлштадта в разработке устава общей кассы в Виттенберге. Сам же этот документ он назвал «продуктом переходной эпохи», который несет в себе многие средневековые черты, присущие документам такого рода²⁶.

Л.Фейхтвангер и О.Винкельманн при всех различиях своих оценок показали, что социальная история не сводится к деятельности отдельных «героев» в решении сложных вопросов в социально-экономической сфере. Инициативы Лютера и Карлштадта в этом направлении неотделимы от усилий многих других реформаторов и городских советов, которые пытались найти адекватные рецепты избавления общества от социальных недугов. На этом фоне вопрос о

первенстве имеет, скорее, частное значение. При всем различии подходов и несхожести позиций историков было доказано наличие широкой социальной программы Реформации.

В заключение отметим глубокое противоречие между теологическим подходом и историческим методом, которое возникло в ходе дискуссии. Г.Барге выступил с протестом против теологической цензуры в исторических исследованиях, привязывания исторических оценок к теологическим построениям. С другой стороны, он, вслед за Э.Трельчем, призвал к преодолению историзма, в свете которого исторически сложившиеся институты признаются истинным, а идеи, проекты и замыслы, которые потерпели неудачу, остаются на обочине истории и лежат мертвым грузом с печатью проклятия. То, что в результате исторических обстоятельств оказалось нереализованным, может и должно быть востребовано в новых исторических условиях. Оказавшись в свое время в плену политических обстоятельств абсолютистско-княжеских интересов церковь должна освободиться от этого груза и стать образцом подлинного творчества мирян и примером демократии. Демократизация церкви становилась, таким образом, исходной точкой демократизации и модернизации немецкого общества.

Своим исследованием и положительной оценкой реформаторской деятельности Карлштадта Г.Барге разбудил спящий вулкан страстей, кипевших еще в реформационную эпоху.

Поиски обновления протестантизма и лютеранской церкви большинство евангелических теологов усматривали в наследии Лютера и не допускали мысли о «левом» уклоне, который привел бы к разрушению самого института церкви и дальнейшей дифференциации протестантизма на автономные общины.

Дискуссия дала толчок глубоким и серьезным исследованиям учения Лютера об общине и ее роли в организации религиозной жизни. Открытия в этом направлении станут мощным стимулом в поисках демократизации лютеранской церкви и обновления протестантской теологии.

Спор оживил осмысление истории Реформации накануне ее 400-летнего юбилея. Во всяком случае, он уберег историков от панегирических славословий, в которых и без того не было недостатка, и, главное, поставил вопрос о сложности и многообразии феномена немецкой Реформации.

Силы, потенциал аргументов участников дискуссии к юбилейному году были исчерпаны. Германия и весь европейский мир оказа-

лись в условиях глобального кризиса, который существенно повлиял на актуальность проблематики исторических поисков и отразился на судьбах оппонентов. Г.Гермелинк, после тяжелого ранения на фронте снова вернется к своим исследованиям и в годы фашизма, обращаясь к потенциалу демократических идей Лютера, будет отстаивать идею неприятия лютеранской церковью тоталитаризма и диктатуры.

Г.Барге продолжит поиски альтернативной демократической и социально ориентированной Реформации и ее идеологов. На этот раз предметом его внимания становится реформаторская деятельность и творческое наследие Якоба Штрауса, Флориана Гайера.

Поиски демократизации лютеранской церкви пойдут разными потоками – один будет основываться на идеалах Лютера, другой на альтернативных ему идеях радикальной Реформации. Оба они в условиях наступления диктаторских тенденций окажутся бессильными противостоять оживлению крайней ортодоксальности.

Примечания

¹ *Bubenheimer, U.* Karlstadtrezeption von Reformation bis zum Pietismus im Spiegel der Schriften Karlstadt zur Gelassenheit / Ulrich Bubenheimer // Andreas Bodenstein von Karlstadt (1486 -1541). Ein Theologe der frühen Reformation / hrsg. v. S.Looss u. M. Mathias. – Lutherstadt Wittenberg, 1998. – S. 25-71.

² *Гарнак, А.* Сущность христианства / Адольф Гарнак. – М., 2001. – С. 181.

³ *Barge, H.* Andreas Bodenstein von Karlstadt / Hermann Barge. – Leipzig, 1905. – Bd. 1-2.

⁴ *Kawerau, G.* // Deutsche Lieteraturzeitung. – 1906. – N 2: – Sp. 73; *Müller, K.* Andreas Bodenstein von Karlstadt I Teil. Karlstadt und die Anfänge der Reformation von Hermann Barge. Leipzig, Tr. Brandstetter. 1905. XII u. 500 S. / K.Müller // Historische Zeitschrift. – 1907. – Bd. 96. – S. 471-481. – Далее: HZ. Даже непримиримый критик этого труда Г.Гермелинк вынужден был отметить необычное «усердие» и трудолюбие автора, написавшего 1132 страницы текста. См.: *Hermelink, H.* Hermann Barge. Andreas Bodenstein von Karlstadt 2 Bde. Leipzig, 1905 / Heinrich Hermelink // Historische Vierteljahresschrift. – 1907. – Jg. 10. – S. 442. – Далее: HV.

⁵ *Müller, K.* Andreas Bodenstein von Karlstadt, I Teil... – S. 471-481.

⁶ *Reformation und Gegenreformation (1500- 1648).* Notizen // HZ. – 1908. – Bd. 101: – S. 206.

⁷ *Muller, K.* Luter und Karlstadt / Karl Muller. – Tubingen, 1907.

⁸ *Brieger, T.* Karl Muller Untersuchungen über Luther und Karlstadt / Theodor Brieger // ZKG. – 1908. – Bd. 29. – H. 4. – S. 490-495; *Hermelink, H.* Hermann Barge. Andreas Bodenstein von Karlstadt... – S. 442-448; *Hermelink, H.* Antwort des Referenten / Heinrich Hermelink // HV. – 1908. – Jg. 11. – S. 126-128. Ответ Барге на критику: *Der Streit über die Grundlagen der religiösen Erneuerung in der Konro-*

- verse zwischen Luther und Karlstadt, 1524-1525 // Studium Lipsiense. - Berlin, 1909. - Bd. 199.
- ⁹ Müller, N. Die Wittenberger Bewegung 1521 und 1522 / Nikolaus Müller // ARG. - 1908/09. - Jg. 6. - S. 161-226; 261-325; 385-469; 1909/10. - Jg. 7. - S. 185-224; 233-293; 353-412; 1910/11. - Jg. 8. - S. 1-43; Müller, N. Die Wittenberger Bewegung 1521 und 1522: Die Vorgänge in und um Wittenberg während Luthers Wartburgaufenthalt. Briefe, Akten u. dgl. und Personalien / Nikolaus Müller. - 2. Aufl. - Leipzig, 1911; Pallas, K. Briefe und Akten zur Visitationsreise des Bischofs Johannes VII. von Meissen im Kurfürstentum Sachsen 1522 / Karl Pallas // Archiv für die Reformationgeschichte. - 1907/08. - Jg. 5. - S. 217-312; Pallas, K. Der Reformationsversuch des Gabriel Didymus in Eulenburg und Seine Folgen 1522-1525 / Karl Pallas // Archiv für die Reformationgeschichte. - 1911/12. - Jg. 9. - S. 347-362; 1912/13. - Jg. 10. - S. 51-69; Friedensburg, W. Der Verzicht Karlstadts auf das Wittenberger Archidiaconat und die Pfarre in Orlamünde (1524) / Walter Friedensburg // Archiv für die Reformationgeschichte. - 1914. - Jg. XI. - H. 1. - S. 69-72; Die Übersiedlung Karlstadts von Wittenberg nach Orlamünde // Zeitschrift für Thüringische Geschichte und Altertumskunde. - 1913. - Bd. 29. - S. 338.
- ¹⁰ Barge, H. Luther und Karlstadt in Wittenberg. Ein kritische Untersuchung / Hermann Barge // HZ. - 1907. - Bd. 99. - S. 256-324; Barge, H. Die Besprechung, die H. Hermelink über mein Werk Andreas Bodenstein von Karlstadt verovventlicht hat / Hermann Barge // HV. - 1908. - Jg. XI. - S. 120-126.
- ¹¹ Barge, H. Frühprotestantisches Gemeindechristentum in Wittenberg und Orlamünde / Hermann Barge. - Leipzig, 1909.
- ¹² Müller, K. Andreas Bodenstein von Karlstadt, I Teil... - S. 474.
- ¹³ Hermelink, H. Hermann Barge. Andreas Bodenstein von Karlstadt... - S. 444-445.
- ¹⁴ Barge, H. Erwiderung / Hermann Barge // HV. - 1908. - Jg. XII. - S. 121.
- ¹⁵ Barge, H. Frühprotestantisches Gemeindechristentum in Wittenberg und Orlamünde.
- ¹⁶ Barge, H. Zur Genesis der früreformatorischen Vorgänge in Wittenberg / Hermann Barge // Historische Vierteljahresschrift. - 1914. - Bd. 1. - S. 28.
- ¹⁷ Müller, K. Andreas Bodenstein von Karlstadt, I Teil... - S. 476-477.
- ¹⁸ Boehmer, H. Luther im Lichte der neueren Forschung / Heinrich Boehmer. - 5. Aufl. - Berlin, 1918. - S. 113, 131.
- ¹⁹ Hermelink, H. Zur Luthers Gedanken über Idealgemeinden und von weltlicher Obrigkeit / Heinrich Hermelink // Zeitschrift für Kirchengeschichte. - 1908. - Bd. 29. - H. 3. - S. 267-323; H. 4. - S. 479-489.
- ²⁰ Там же. - S. 481-488.
- ²¹ Müller, K. Kirche, Gemeinde und Obrigkeit nach Luther / Karl Müller, 1910; Meineke, F. Luther über christliches Gemeinwesen und christlichen Staat / Fridrich Meineke // HZ. - 1920. - Bd. 121. - S. 1-23.
- ²² Meineke, F. Luther über christliches Gemeinwesen und christlichen Staat. - S. 32.
- ²³ Feuchtwanger, L. Geschichte der sozialen Politik und Armenwesens im Zeitalter der Reformation / L. Feuchtwanger // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. - 1908. - Jg. 32. - Bd. II. - S. 172-173.
- ²⁴ Там же. - S. 172.

²⁵ Winkelmann, O. Über die ältesten Armenordnungen der Reformationszeit (1522-1525) / Otto Winkelmann // HV. - 1916. - Jg. 17. - S. 187-228, 361- 400. Это исследование представляет собой продолжение сравнительного анализа и публикации ранних реформационных порядков о бедных. См.: Winkelmann, O. Die Armenordnungen von Nürnberg (1522), Kitzingen (1523), Regensburg (1523) und Ypern (1525) / Otto Winkelmann // ARG. - 1913. - Jg. X. - S. 242-280; 1914. - Jg. XI. - H. I. - S. 1-18.

²⁶ Winkelmann, O. Über die ältesten Armenordnungen der Reformationszeit (1522-1525). - S. 207.

Надійшла до редколегії 26.09.2007

С.М.Косяк

ПАНГЕРМАНСЬКИЙ СОЮЗ І КОЛОНІАЛЬНЕ ПИТАННЯ (1891-1900 рр.)

Досліджуються основні положення та напрямки колоніальної ідеології та політики Пангерманського союзу, його діяльність у період з 1891 до 1900 р. у сфері континентальної та заокеанської експансії. Висвітлено роль та значення колоніальної пропаганди у підготовці німецького суспільства до колоніальних загарбань.

Надзвичайно інтенсивний розвиток німецького капіталізму після політичного об'єднання країни був однією з основних причин вступу її буржуазії та юнкерства на шлях активної колоніальної політики. Наслідки економічної кризи 1873 р. сприяли посиленню прагнень німецької буржуазії до придбань власних колоніальних ринків сировини та ринків збуту, до захоплення країн, придатних для розміщення в них німецького капіталу, а також додатковому збагаченню за рахунок асигнувань державних коштів на колоніальні захоплення. Мілітаризація країни, створеної «залізом і кров'ю»¹, зростання її питомої ваги в міжнародній політиці надавали їй впевненості в реалізації колоніальних планів, спонукали до завоювання власного «місця під сонцем» та «колоніальної рівноправності»².

Політика колоніальних захоплень, як правило, складається із сукупності цілеспрямованих дій в економіці, політиці, ідеології. Ідеологам німецького колоніалізму необхідно було довести, що: